

что незаслуженно забытой в туристическом плане остается период «романтики освоения земель» в XX в. советского периода.

В целом, модный для запада бренд «Сибирь» не отличается последовательностью, не сложился как целостный культурный феномен. Этот факт представляется значимым, особенно если вспомнить, что и инвестиции в культурное наследие региона еще не считаются необходимыми для дальнейшей колонизации Сибири и Севера.

А.Н. Макаров

Магнитогорск

НОВЫЙ ГОРОДСКОЙ БЫТ В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОГО ФОТОРЕПОРТАЖА 1930-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ МАГНИТОГОРСКА)

Сегодня весьма актуальной является проблема привлечения к историческим исследованиям фотодокументов. Последние все чаще стали использоваться не в качестве «говорящих картинок» - иллюстраций к научным работам, а как вполне самостоятельный исторический источник. Указанная тенденция в последние годы в полной мере относится к научным изысканиям в сфере темы советской индустриализации 1930-х гг.

С приходом к власти большевиков наряду с литературой, изобразительным искусством, кинематографом мощнейшим средством пропаганды коммунистической доктрины и советского образа жизни становится фотография. Доступность, наглядность, убедительность, информационная емкость обеспечили фотожурналистике исключительно важную роль в формировании у населения страны визуальных образов о мире. Известно, что фотоснимки, размещенные на страницах периодических изданий, оказывают на читателя гораздо большее воздействие, чем текстовая информация. Учитывая, что к началу предвоенного десятилетия доля грамотного населения СССР была незначительна, фоторепортаж в годы двух первых пятилеток становится чуть ли не единственным источником информации о событиях, происходящих в стране и за рубежом. «Человек обычно верит своим глазам больше, нежели тому, о чем ему рассказывают люди», - подчеркивалось в популярном издании, предназначенном для рабочих фотокоров¹⁰⁷⁶. Важным информационным каналом являлось радиовещание. Однако радиофикация страны в 1930-е гг. испытывала проблемы, связанные с нехваткой приемных устройств. Особенно сложной была ситуация в провинциальных городах, новостройках, а также в сельской местности.

¹⁰⁷⁶ Вострогин М. Что и как фотографировать рабочему. - М.: Огонек, 1930. - С. 21.

Становление нового типа общества, которое происходило в 1920 – 1930-х гг., повлекло за собой изменения в его социальной структуре и повседневной жизни. На годы советской индустриализации пришлось время попыток воплощения в конкретных архитектурных формах идеи нового социалистического быта, подразумевающего максимальное обобществление жизни. Происходит перепланировка многих городов. Среди приемов показа роста благосостояния советского государства и его граждан в годы первой пятилетки приоритет отдавался тиражированию в прессе снимков, построенных по принципу противопоставления «старого» «новому».

Одним из первых прием сравнения в снимках применил фотокорреспондент Б. Игнатович. Для журнала «СССР на стройке» им была проведена аэросъемка Ленинграда. Сопоставление снимков «Старый Ленинград» (купол Исакиевского собора) и «Новый Ленинград» (трубы завода) приводило к выводу, что в Ленинграде не только строится промышленность, но и происходит обмирщение быта горожан.

Снимок М. Альперта, размещенный в первом номере журнала «СССР на стройке» за 1932 г., запечатлевший первую магнитогорскую плотину, будто говорил читателю: «Вот она какая плотина сегодня!». С настоящим снимком контрастировала другая фотография: бревенчатый мостик, на котором женщины стирают белье. Изменения, произошедшие за относительно короткий период времени, очевидны.

Благодатной средой для фотокорреспондентов становится Донбасс и Кузнецк. На снимках сравнивались старые шахтерские поселения, представлявшие собой беспорядочное скопище хибарок, с изменившимися до неузнаваемости шахтерскими городками, где возводятся капитальные здания, а грязь и пустыри сменяются зелеными насаждениями и парками¹⁰⁷⁷. Аналогичен снимок А. Скурихина, опубликованного сначала в «Комсомольской правде»¹⁰⁷⁸, а затем в журнале «Смена»¹⁰⁷⁹. Над старыми купеческими домиками возвышается многоэтажное здание Госпромурала: на смену деревянной застройке старого Екатеринбургa приходят крупные жилые комплексы Свердловска.

Индустриальные новостройки в начале 1930-х гг. становятся благодатными экспериментальными площадками для работы советских и зарубежных архитекторов. Так в 1930 г. на Магнитострой для проектирования соцгорода прибывает бригада немецкого архитектора Э. Мая, спланировавшего Франкфурт¹⁰⁸⁰.

Пока разрабатывался проект социалистического города, прибывшие на строку рабочие сами обустроивались на новом месте. Палаточ-

¹⁰⁷⁷ Советское фото. 1934. №1

¹⁰⁷⁸ Комсомольская правда. 1932. 30 января.

¹⁰⁷⁹ Смена. 1933. №3 – 4.

¹⁰⁸⁰ Магнитогорск. Краткая энциклопедия. - Магнитогорск, 2002. - С. 428.

ный городок, землянки, шалаши и иные временные жилища плохо напоминали город будущего. Единственным разумным на то время выходом из архитектурного коллапса, возникшего в связи с прибывающими на стройку рабочими и отсутствием проекта города, становится возведение каркасных домов и бараков, рассчитанных на 40 чел., а на деле вмещающих в разы большее число жителей. В условиях перенаселенности бараков, антисанитарии, местная пресса объявляет соревнование на лучший барак, а затем столовую и клуб, подменяя идею соцгорода идеей образцового общежития и общепита.

Страницы магнитогорских газет пестрели снимками, изображавшими лучшие бараки, столовые и рабочие клубы. Даже по этим избирательным снимкам видно, что условия жизни магнитогорских первостроителей были далеки от идеала. Общежитие монтажников, признанное в 1931 г. образцовым, напоминает хлев¹⁰⁸¹. Ряды металлических коек, дощатые полы, узкие окна, сквозь которые пробивается свет – если это темное помещение – образцовый барак, то как же обстояло дело с необразцовыми? В большинстве бараков не было освещения, а подчас отопления, протекали крыши. Бытовые отходы часто выбрасывались прямо перед жильем. Из-за сырости и грязи заводились клопы и вши¹⁰⁸².

Снимок, запечатлевший работниц Магнитостроя, должен был, видимо, показать, как культурно живут строители: женщины читают газеты, кровати покрыты белыми простынями, на тумбочке стоит графин с водой¹⁰⁸³. Однако валенки на ногах работниц, верхняя одежда, развешанная посреди комнаты, указывают на реалии 30-х гг.: барак плохо отапливался, в помещении было сыро от грязной одежды. Снимок красного уголка одного из бараков, помещенный в сентябре 1934 г. в «Магнитогорском рабочем», стал последним свидетельством о наличии в Магнитогорске временных жилищ барачного типа.

Произнесенная 17 ноября 1935 г. И.В. Сталиным на всесоюзном совещании стахановцев и получившая широкую известность фраза о заметном улучшении качества жизни советских людей была взята на вооружение прессой, развернувшей публикацию снимков, демонстрирующих насыщенность советского социума материальными и духовными благами, логически выводимую из успехов социально-экономической политики государства. Выросший из стройплощадки в город с почти двухсоттысячным населением, Магнитогорск являлся, пожалуй, ярчайшим воплощением позитивных изменений, произошедших в стране за годы первых пятилеток.

¹⁰⁸¹ Баканов В.И. Магнитогорск. Исторический очерк. – Магнитогорск, 2001. – С. 114.

¹⁰⁸² Там же. С. 110.

¹⁰⁸³ Там же. С. 51.

К 1935 г. магнитогорский комбинат стал предприятием полного металлургического цикла, его интенсивное строительство сменилось размеренным развитием, что определило смену акцентов визуальной пропаганды. К 1935 г. фотокорреспонденты переориентируются со строительно-производственной на бытовую сферы новостройки.

Одним из приоритетных направлений фотопропаганды становится публикация в газетах и журналах снимков ударников и стахановцев в комфортабельных квартирах. «Мы говорим о квартирах рабочих, а еще совсем недавно мы говорили о комнатах, как о величайшем достижении», - подчеркивал журнал «Советское фото»¹⁰⁸⁴. Каким образом фотографу следовало «изображать» квартиру стахановца? Как виделось идеологам, квартира стахановца, человека не столько физического, сколько умственного труда, должна «получить новый отпечаток»¹⁰⁸⁵, т.е. иметь отличия от квартиры человека физического труда. Отметим, что стахановец причислялся к людям умственного труда, поскольку его «организующая роль значительно выше материального эквивалента его труда»¹⁰⁸⁶, выраженного в тоннах добытого угля, выплавленного чугуна и стали.

Итак, каков же был идеал квартиры стахановца? «Такому человеку нужен телефон, - рассуждала советская пропаганда, - такому человеку нужен не просто свет, теплая комната, но комната, в которой можно было бы отдохнуть. А если в этой семье есть дети, то здесь уже может быть и домашняя работница. В такой семье есть книги; в такой семье есть музыкальный инструмент — патефон»¹⁰⁸⁷.

Снимок в «Магнитогорском рабочем» за 15 апреля 1934 г. запечатлел ударника Х. Галиуллина в квартире: бетонщик-рекордсмен в окружении семьи сидит за столом, на котором непременный атрибут сталинского «изобилия» - патефон. Вопреки замыслу фотографов изобразить просторные благоустроенные квартиры снимки выдают реальную стесненность жилищных условий горожан. Кажется, на фото собрано все небогатое имущество успешного обладателя «роскошной» квартиры, а пространство комнаты ограничено тесными рамками стола или дивана. В Магнитогорске на протяжении 1930-х гг. сохранялась обстановка жилищного дефицита¹⁰⁸⁸. В капитальных домах к 1935 г. из 32 тыс. рабочих-одиночек проживало только 1700, а из 28 тыс. семейных — 3800 семей. Остальные ютились в бараках и землянках¹⁰⁸⁹.

Как утверждала пропаганда, «материально-культурные сдвиги уже давно вышли за пределы рабочей квартиры»¹⁰⁹⁰, поэтому фоторе-

¹⁰⁸⁴ Советское фото. 1934. №1. - С. 8.

¹⁰⁸⁵ Там же

¹⁰⁸⁶ Там же

¹⁰⁸⁷ Там же

¹⁰⁸⁸ Там же. С. 84.

¹⁰⁸⁹ Басанов В.И. Испытание Магниткой. — Магнитогорск, 2001. — С. 112.

¹⁰⁹⁰ Советское фото. 1934. №1. - С.8

портерам рекомендовалось посетить клубы, библиотеки, магазины и школы, где учатся дети рабочих.

Большая часть магнитогорцев в начале 1930-х гг. была безграмотной. Школы для обучения неграмотного взрослого населения действовали в городе до 1939 г., но крайне мало фотографий свидетельствует о их работе. Напротив, начиная со второй пятилетки в газетах стали активно публиковать снимки, показывающие результаты ликбеза, главным среди которых стало повсеместное чтение. В «Магнитогорском рабочем» 10 марта 1934 г. был помещен снимок, запечатлевший мужчину в верхней одежде в библиотеке. Пусть нет отопления: главное, что рабочие потянулись к знаниям. Читали все: колхозники и металлурги, старики и комсомольцы, мужчины и женщины.

Сентябрьские номера «Магнитогорского рабочего» обычно были посвящены вопросам школьного образования. Снимки улыбающихся школьников в блузках с белыми воротничками и галстуках, задорных пионеров, конструирующих планер или изучающих географическую карту, иллюстрировали заботу власти страны о детях. О ином положении дел свидетельствует снимок от 20 апреля 1935 г. Корреспондент заснял мальчика Большакова Федю, роящегося в мусорном ящике. Сообщалось, что ученик собирает бумагу для обмена на тетради. Видимо аналогичное «предприимчивое» поведение было свойственно многим магнитогорским школьникам.

На втором месте после жилищной в Магнитогорске 1930-х гг. стояла проблема питания¹⁰⁹¹. В «Магнитогорском рабочем» в первый день продажи хлеба без карточек, была помещена фотография очереди в одном из магазинов. Обращают на себя внимание полупустые полки с однообразной продукцией. В качестве фотообвинения на страницах «Магнитогорского комсомольца» были опубликованы снимки очередей за выпекавшимся из некачественной муки «серым» хлебом¹⁰⁹², который в основном поступал в продажу.

Разоблачительных фото не было в главной газете города - «Магнитогорском рабочем». О качестве питания магнитогорцев свидетельствует также снимок, запечатлевший людей за прилавком продовольственного распределителя¹⁰⁹³. «Овощи должны быть за прилавком каждого распреда», — гласило пояснение к снимку. Раздатчица повернула чашку с овощами к зрителю. Фотокоры привыкли фиксировать на пленке каждое достижение, пусть и такое незначительное, как появление в магазинах овощей. Некоторые жители города долгое время не

¹⁰⁹¹ Там же. С. 97

¹⁰⁹² Магнитогорский комсомолец. 1935. 28 января.

¹⁰⁹³ Магнитогорский рабочий. 1933. 24 августа.

знали, что такое фрукты, и, по признанию некоторых из первостроителей, они впервые попробовали яблоки в 1937 или 1938 г.¹⁰⁹⁴

Перенаселенность бараков, отсутствие чистой воды, канализации, нечистоты, неполноценная обработка прибывающих рабочих, размножившиеся паразиты приводили в 1930 – 1933 гг. к вспышкам оспы, сыпного тифа, дизентерии. Последствия эпидемий, разумеется, не стали сюжетом фоторепортажа. Снимки косвенно указывают на бедственную санитарно-эпидемическую ситуацию в городе. Дети на фотографиях, как правило, острижены наголо или очень коротко, что говорит о мерах борьбы со вшами. На страницах «Магнитогорского рабочего» в последующем встречаются лишь отдельные снимки, посвященные развитию здравоохранения в городе, что говорит о неразвитости сети здравоохранительных учреждений в Магнитогорске 1930-х гг.

На страницах «Магнитогорского рабочего» 12 ноября 1939 г. появился фотоочерк, показывающий изменения, произошедшие за десятилетие в городе. На снимках и рисунках можно видеть Дворец культуры, магазины, благоустроенные площади с памятником «вождю народов» в центре, школы, детские сады, корпуса новых зданий, трамвай. В подстрочнике к фотографии здания Госбанка и школы № 5, говорилось, что Магнитогорск строится по генеральному плану, и это будет замечательный город». Заметим, что генплан Магнитогорска был утвержден лишь в 1940 г., а застройка до этого времени носила хаотический характер.¹⁰⁹⁵

Фотоочерк, показывая город социалистического образца, «культурную и зажиточную жизнь» человека, подкупает правдивостью и точностью преподносимых аргументов социального благополучия горожан. Однако цифры, приводимые в подстрочниках к снимкам и рисункам, расходятся с официальной статистикой, согласно которой на 1939 г. в городе имелось 234 предприятия розничной торговли.¹⁰⁹⁶ Корреспондентами было «насчитано» 544. По официальным данным, в 1940 г. в Магнитогорске было 44 детских сада.¹⁰⁹⁷ Фотоочерк сообщал о 50 детских садах в 1939 г. Переданные читателю посредством фотоочерка факты были преувеличены.

Другим направлением фотопропаганды стало изображение досуга рабочих. Как рассуждали идеологи, семья стахановца «умеет иначе отдыхать, нежели отдыхала так недавно». Оказывается, запечатленная на снимке Д. Чернова ударница-текстильщица, сидящая в театре, являла собой «очень многозначительную картину», ведь «работница имеет свое

¹⁰⁹⁴ Макарова Н.Н. Повседневная жизнь Магнитогорска 1929 – 1935 гг. : Дисс. канд. ист. наук : 070002 / ЮУрГУ. - Челябинск, 2010. - С. 97

¹⁰⁹⁵ Пути индустриализации. 1929. - №3. - С. 50 – 66.

¹⁰⁹⁶ Магнитогорску – 50 лет. Статистический сборник. - Магнитогорск, 1979. - С. 39

¹⁰⁹⁷ Там же. С. 51.

привилегированное место»¹⁰⁹⁸. Если до 1934 г. встречаются лишь отдельные фотографии, свидетельствующие о жизни магнитогорцев в свободное время, то начиная с 1935 г. страницы местных газет заполнились снимками, показывающими отдыхающих горожан. Несколько раз на страницах «Магнитогорского рабочего» был опубликован портрет сталевара П.Н. Дьяченко. 8 мая 1935 г. сталевар был заснят выезжающим на мотоцикле с семьей на природу¹⁰⁹⁹. В подстрочнике уточнялось: «... на мотоцикле, которым он премирован за отличную работу». Наличие личного мотоцикла, являясь критерием «зажиточности», приковывало внимание общественности к владельцу транспортного средства.

Летние отпуска и выходные дни рабочие проводили на Банном озере, о чем свидетельствует фотосерия Б. Ерофеева¹¹⁰⁰. Зимой развлечением рабочих были лыжи. Судя по фоторепортажу, Магнитогорск в 1930-е гг. был охвачен массовым увлечением спортом. Культ «здорового духа в здоровом теле», ставший нормой для советского общества, успешно пропагандировался на страницах «Магнитогорского рабочего». Снимки изображали бодрых физкультурников на эстафетах и кроссах, хоккейные и футбольные состязания на стадионах города. Интересно, что снимков, запечатлевших магнитогорцев в учреждениях художественно-зрелищной сети, практически не встречается, что можно объяснить ее слабой развитостью в городе.

Фоторепортаж плохо соответствовал сложившимся в Магнитогорске 1930-х гг. реалиям, часто противореча им. Серьезные различия между действительностью и созданными фотообразами обнаруживаются при анализе социокультурной сферы новостройки. Запущенное состояние или неразвитость жилищно-коммунальной, образовательной, здравоохранительной сфер, преломляясь сквозь призму объектива, казалось весьма сносным, но без прикрас в начальный период строительства, и даже привлекательным со второй половины 1930-х гг. При этом доля «фотообвинений», снимков, демонстрирующих реальное положение дел в Магнитогорске, была невелика (около 10% от общего числа фоторепортажей). Расходясь по всей стране, фотоиллюстрации с Магнитостроя не обещали земных благ, но показывали новостройку в наиболее выгодном ракурсе. Магнитка, еще не имевшая по сути собственной истории, обростала «мифологией», превращалась в «легенду» советской индустриализации.

¹⁰⁹⁸ Советское фото. 1934. №1. - С8.

¹⁰⁹⁹ Магнитогорский металл. 1935. 8 мая.

¹¹⁰⁰ Магнитогорский рабочий. 1937. 10 июня.